
ИНДИВИД И ЛИЧНОСТЬ

С.А. Щебетенко

ДИСПОЗИЦИОНАЛЬНАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ: НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ ДИСПОЗИЦИОНАЛЬНОГО И КОГНИТИВНОГО ПОДХОДОВ К ЛИЧНОСТИ

Аннотация. В статье предлагается вариант сближения диспозиционального и социально-когнитивного подходов к изучению личности. Ключевым элементом диспозиционального подхода являются черты – индивидуальны́е мотивационно-поведенческие комплексы, позволяющие описывать и прогнозировать поведение индивида. Социально-когнитивные теории личности, напротив, постулируют ключевую роль ситуационных, контекстных, факторов. В этой связи вводится понятие диспозициональной эффективности, понимаемое как аспект черты, в соответствии с которым индивид идентифицирует то, как он реагировал на ситуации, релевантные проявлению данной черты. Предполагается, что диспозициональная эффективность в отдельных случаях может более адекватно, чем абстрактная черта личности, характеризовать поведение индивида, включая академическую успешность. 1030 студентов российского университета заполняли Big Five Inventory для измерения черт личности (пятифакторная модель), а также его модификацию, разработанную для измерения диспозициональной эффективности. Измерялись два вида академической успешности: семестровая успеваемость в университете и баллы ЕГЭ по русскому языку и математике. Черта личности и соответствующая диспозициональная эффективность были сильно связаны между собой, но различались по своим средним значениям для каждого из пяти факторов. Черты личности слабо, но значимо, коррелировали с показателями академической успеваемости. Диспозициональная эффективность воспроизводила эти корреляции, но размеры полученных эффектов были больше – за исключением связи добросовестности с успеваемостью в университете. В пяти случаях из семи черты личности производили непрямы́е эффекты на академическую успеваемость, опосредованные диспозициональной эффективностью. Таким образом, диспозициональная эффективность может опосредовать связь черты личности с внешним критерием. Теоретически, в сравнении с чертами личности, диспозициональная эффективность является более изменчивым конструктом, предполагающим научение личностным схемам поведения и идентификацию с ними. Как и черта личности, диспозициональная эффективность психометрически является продуктом автобиографической памяти. Дальнейшие исследования могут быть посвящены внутренней дифференциации черты личности как единицы анализа.

Ключевые слова: черты личности, пятифакторная модель личности, интегративные подходы, когнитивные теории личности, академическая успешность, Большая Пятерка, самооэффективность, автобиографическая память, вопросники, Инвентарь Большой Пятерки.

Review. The article taps into an approach integrating the dispositional and social cognitive paradigms of personality under a unified umbrella. The key element of the dispositional approach to personality is the concept of traits, i.e. individual combinations of motives and patterns of behavior that describe and allow to predict one's actions. On the contrary, cognitive theories of personality emphasize the crucial role of situational and contextual factors. For this purpose, a construct of trait efficacy is introduced being referred to as an aspect of a trait which underscores that an individual may identify her or his skills and habits to respond adequately to situations which exert cues relevant to the given trait. It is assumed that in certain cases trait efficacy more adequately describes individual's behavior including academic success and achievements. 1030 students from a Russian university filled in the Big Five Inventory that measures personality traits (the so called five-factor model) and the modified version of the Inventory designated to measure the dispositional efficacy. The researchers measured the two types of academic achievement, university success at the end of academic terms and Unified State Exam scores (Russian and math subtests). The traits were shown to correlate strongly with respective trait efficacy; meanwhile, in terms of mean differences, each trait was found to differ substantially from its trait efficacy counterpart. Academic achievement indicators correlated weakly with personality traits. Dispositional ef-

ficacy reproduced those correlations but obtained effects were higher except for the correlation between diligence and university success. In five cases out of seven personality traits related indirectly to academic achievement indicators. In other words, these links were mediated by respective trait efficacy. Theoretically, compared to personality traits dispositional efficacy is a more changeable construct that involves acquisition of personal behavioral schemes and identification therewith. Being a personality trait, dispositional efficacy is, psychometrically, a product of autobiographic memory. The findings obtained and corresponding theorisations promote a further opportunity to contemplate the construct of personality trait in a way of its inner structural differentiation.

Keywords: *self-efficacy, the Big Five, academic achievement, cognitive theories of personality, integrative frameworks, five-factor model, personality traits, autobiographical memory, questionnaires, Big Five Inventory.*

Введение

За свою сравнительно недолгую историю дифференциальная психология разработала несколько основных подходов к тому, что следует понимать под личностью. С большинством из них можно легко ознакомиться в любом подходящем учебнике в соответствующем разделе. Этот «джентльменский набор» обычно открывается психодинамическими фрейдистскими концепциями и заканчивается социально-когнитивными теориями [4; 5]. Где-то на полпути читатель узнаёт о теориях черт, известных также как диспозициональные. Диспозициональный подход занимает ключевое место в списке теорий личности, которые изучаются эмпирически и являются одними из наиболее валидных с точки зрения современного научного сообщества. Однако и им присущи различные ограничения и проблемы, регулярно порождающие острую критику.

Диспозициональные теории и пятифакторная модель личности

Ключевым элементом диспозиционального подхода являются черты – индивидуальные мотивационно-поведенческие комплексы, позволяющие описывать и прогнозировать поведение индивида. В понятие черт выразилось давнее намерение исследователей создать универсальный научный язык на территории индивидуальных различий. С использованием статистических процедур факторного и кластерного анализов, на протяжении 80 лет исследователи разрабатывают варианты структуры черт личности и темперамента [3; 8; 16; 21]. В последнюю четверть века в вопросе о структурном устройстве черт личности наблюдается сравнительное единодушие, оформившееся вокруг пятифакторной структуры, известной также под названием Большой Пятёрки [22; 30]. Эта структура включает в себя пять факторов – экстраверсию, нейротизм, доброжелательность, добро-

совестность (сознательность), открытость опыту (интеллект). Эти черты трактуются – в зависимости от конкретного подхода – либо в качестве обобщённых структур, образованных на более частном уровне более конкретными элементами (аспектами, фасетами [30]), либо в качестве промежуточных структур, содержательно характеризующих ещё более абстрактные, базовые, образования [19; 20; 32]. По своему происхождению пятифакторная структура личности связывается либо с биологическим устройством головного мозга [18; 30], либо с языковыми универсалиями [23; 35].

Среда и диспозиции

Авторы когнитивных теорий личности [10; 28; 31], постулирующих ключевую роль процессов познания в индивидуальном поведении, де-факто сделали своим приоритетом критику диспозициональных теорий, оторванных, с их точки зрения, от ситуационных, контекстных, факторов. Знаменитая работа В. Мишеля [31], в которой утверждается иллюзорность черт в сравнении с действием ситуации на поведение человека, породила серьёзный кризис в диспозициональном подходе [30; 38], от последствий которого последний начал оправляться только в 1980-е гг., с появлением концепций нового поколения.

Самозффективность как ключевой элемент теории А. Бандуры

Среди когнитивных теорий личности заметное место отведено социально-когнитивной концепции А. Бандуры [10]. Одним из её ключевых понятий является самозффективность (self-efficacy). Она представляет собой генерализованное ожидание индивида того, что он сможет эффективно справляться с жизненными вызовами. Самозффективность может быть как обобщённой, так и специфичной – в отношении определённых жизненных ситуаций.

Ожидания индивидом того, что он сможет добиться нужного результата в данной ситуации, или, напротив, его ждёт неудача, должны влиять на то, будет ли инициировано копинг-поведение вообще, сколько именно усилий индивид к нему приложит, и как долго оно будет поддерживаться – в свете сопутствующих осложнений [10]. Настойчивость в тех видах деятельности, которые являются субъективно опасными и сложными, но на деле оказываются весьма безобидными, приводит, по мере возникновения мастерства, к дальнейшему увеличению самооффективности и соответствующему сокращению защитного поведения.

Исследования самооффективности в контексте черт личности

Самооффективность была эмпирически продемонстрирована [11; 12] и изучалась в различных прикладных сферах [1; 7; 17; 37] посредством ряда самоотчётных тестов [6; 9; 14]. Периодически она изучается в контексте черт личности. Так, например, самооффективность социальных работников, ухаживающих за престарелыми инвалидами, опосредовала связи между чертами личности первых и субъективным уровнем их здоровья [29]. Лидерская самооффективность опосредовала связь нейротизма, экстраверсии и добросовестности сингапурских военных с экспертной оценкой их профессиональной эффективности [33].

Дж. Капрара с коллегами [14] отмечают, что тот факт, что черты личности и самооффективность относятся к разным парадигмальным традициям, ограничивает потенциальные выгоды, которые исследователи могли бы получить от использования этих конструкций в одной и той же схеме. В этой связи они [14; 15] изучали эмоциональную и межличностную самооффективность. На теоретическом уровне Дж. Капрара [13] предлагает интегративную модель, в которой первичным предиктором выступает аффективная самооффективность (affective self-regulatory efficacy), в то время как межличностная самооффективность (interpersonal self-regulatory efficacy) выполняет роль медиатора эффектов первой на психосоциальное функционирование (psychosocial functioning). Дж. Капрара и М. Джербино [цит. по: 14] различают два вида эмоциональной самооффективности – в контроле негативных и выражении позитивных эмоций. Дж. Капрара, М. Джербино и А. Делле Фратте [цит. по: 14] различают эмпатическую и

социальную самооффективность. Эмпатическая самооффективность представляет собой воспринимаемую способность чувствовать переживания и потребность в поддержке другого человека. Социальная самооффективность определяется как воспринимаемая способность к социальным взаимодействиям, в том числе – выражению собственного мнения в группе, обмену мнениями и опытом с другими людьми, инициированию социальных контактов и т.п.

Хотя можно вспомнить примеры более-менее «чистого» спонтанного поведения, преимущественно черты личности проявляются в ответ на требования ситуаций. Мы бываем добросовестны (или безалаберны) в тех случаях, когда этого требует выполнение работы, дружелюбны, когда оказываемся в определённом обществе, враждебны – оказавшись в другом (или в том же самом, но в другой момент), общительны и молчаливы – в зависимости от требований ситуации. В то же время, самоотчётные тесты черт личности обычно апеллируют к абстрактным представлениям индивида о своей личности.

Черты личности как усредненные характеристики

В личностном профиле Л. Голдберга [2; 24], общий задаваемый вопрос – «Я – это...», а конкретные пункты сформулированы так: (1) «...являюсь душой общества», (2) «...обижаю людей», (3) «... всегда подготовлен(а)» и т.д. В Инвентаре Большой Пятерки (Big Five Inventory [26; 27; 36]) список пунктов начинается с общего высказывания: «Я вижу себя тем, кто...» (I see myself as someone who...). В русской версии теста Г. Айзенка [25] вопросы также преимущественно сформулированы в общем, абстрактном, ключе: (1) «У Вас много различных хобби?», (2) «Задумываетесь ли Вы перед тем, как что-либо предпринять?», (3) «Часто ли у Вас бывают спады и подъёмы настроения?». Таким образом, диагностически (и на это обращена критика теоретиков когнитивного подхода [31]), черты личности обращаются к представлениям индивида о себе как о перманентной поведенческой системе, не зависящей от ситуативного контекста. Иначе говоря, самоотчётные, традиционные, черты личности представляют собой продукт абстрактной автобиографической памяти, активируемой в случае, когда индивид определяет для себя и окружающих, кем он является, не задумываясь о том, какие коррективы в его поведение может вносить ситуация.

В этой связи Р. МакРэ и П. Коста [30] отмечают, что черты личности являются «усредненными характеристиками» (*characteristic mean*), а фактическое поведение индивида будет варьироваться в зависимости от конкретной ситуации: «Летом всегда жарко, а зимой – холодно, но в рамках каждого сезона присутствует широкий диапазон температур» [30, р. 27]. Таким образом, черта личности – это констатация «сезона», но не констатация температуры в определённый день июля или декабря. При этом, в таком абстрактном виде, черты оказываются достаточно эффективными предикторами поведения – аналогично тому, как в любой летний день мы можем достаточно уверенно выйти на улицу без шапки и шубы.

Личность как продукт памяти об эффективном реагировании на ситуации

Такой подход давно себя зарекомендовал в исследовательской практике. Однако остаётся возможность его дальнейшего улучшения – в том числе, за счёт идей, сформулированных в рамках социально-когнитивной парадигмы. В этом плане черту личности можно изучать не как продукт абстрактной автобиографической памяти, а в качестве памяти об эффективном реагировании на ситуации определённого типа. В этой связи предлагается дополнительный угол зрения на черты личности – как *диспозициональную эффективность*.

В этом смысле диспозициональная эффективность является продуктом автобиографической памяти о том, как индивид реагировал на те ситуации, которые стимулировали проявление соответствующей черты личности. Предположительно многообразие черт личности *per se* является продуктом средовой адаптации. Допуская, что черты личности являются проявлением биологической вариативности индивида, следует предположить, что, с эволюционной точки зрения, возникновение многообразия черт порождено многообразием жизненно важных ситуаций, в которых регулярно оказывается индивид.

Эти ситуации могут быть содержательно соотнесены с чертами личности, а степень успешности поведения в них может быть обозначена как диспозициональная эффективность. Безусловно, диспозициональная эффективность должна находиться в прямой и сильной связи с соответствующей чертой личности. Строго говоря, диспози-

циональную эффективность следует трактовать как производную от конструкта черты личности. Однако эта производная принимает во внимание важный аспект, упускаемый более абстрактным конструктом черты. Соответственно предполагается, что диспозициональная эффективность в отдельных случаях может более адекватно характеризовать поведение индивида, чем абстрактная черта личности. В этом плане возможно, что диспозициональная эффективность будет демонстрировать инкрементную валидность в связи с внешними, поведенческими, критериями. Иными словами, диспозициональная эффективность предположительно опосредует связь между соответствующей чертой личности и подобным внешним критерием. Для тестирования этого предположения было проведено кросс-секционное исследование, на традиционной, но представительной, выборке студентов университета. В качестве внешнего критерия использовались показатели академической успешности – баллы Единого государственного экзамена и семестровой успеваемости.

Метод

Участники

В исследовании приняли участие 1030 студентов одного из российских университетов, в возрасте от 17 до 38 лет ($M = 19.65$, $SD = 1.72$). Одна участница не сообщила своего возраста. Среди участников была 691 женщина (67,1%). Каждый участник сообщал своё полное имя, что объяснялось «необходимостью избежать ошибок при подготовке и рассылке обратной связи». По окончании исследования, спустя несколько месяцев, участники получали по электронной почте обратную связь, содержащую результаты оценки черт личности и дебрифинг исследования.

Полученная информация использовалась для идентификации студенческих профилей в университетской базе данных. База данных содержала разнообразную образовательную информацию о студенте, включая семестровые отметки и баллы ЕГЭ, полученные при поступлении. Вся полученная информация была использована исключительно в научных целях, администрация университета получила аналитический отчёт, не содержащий личной информации о конкретном студенте.

Вопросники

Черты личности. Участники заполняли русскую версию [36] 44-пунктного теста Big Five Inventory (BFI [34; 35]). Подшкалы BFI показали хорошую и приемлемую внутреннюю согласованность, $\alpha = .78, .68, .80, .79, .81$, для экстраверсии, доброжелательности, добросовестности, нейротизма и открытости опыту. Судя по значениям асимметрии (g_1) и эксцесса (g_2), показатели черт личности были распределены нормально, $-0.38 < g_1 < -0.03$, $-0.44 < g_2 < 0.27$.

Диспозиционная эффективность. Для измерения диспозиционной эффективности инструкции BFI были несколько изменены. В частности, общая инструкция сообщала: «Вам предстоит оценить то, насколько Вам удаётся вести себя в соответствии с данным свойством в случае, когда этого требуют или позволяют обстоятельства. Согласуются ли Ваши поступки с тем, как, на Ваш взгляд, должен вести себя человек, проявляющий данное качество? Допустим, Вас кто-то раздражает (курящий в помещении человек, кричащие малолетние дети, громко говорящие люди и т.п.). Т.е. ситуация «провоцирует» Вас на невыдержанность. Проявите ли Вы её, или нет?» Общий вопрос был сформулирован следующим образом: «Когда этого требуют (позволяют) обстоятельства, мои поступки и поведение соответствуют этому свойству». Участники отвечали в диапазоне от 1 (совершенно не соответствуют) до 5 (полностью соответствуют). Также были несколько изменены формулировки пунктов при сохранении их содержания. Так, в пункте 1 участник должен был ответить на стимул «быть разговорчивым», вместо «разговорчивый» – в оригинальной версии BFI, а в пункте 2 – «склонным спорить и видеть в других недостатки», вместо «склонен спорить и видеть в других недостатки».

BFI при измерении диспозициональной эффективности продемонстрировал достаточно хорошую внутреннюю согласованность, $\alpha = .73, .67, .82, .83, .80$ – для экстраверсии, доброжелательности, добросовестности, нейротизма и открытости, соответственно. Показатели диспозициональной эффективности также были распределены нормально, $-0.34 < g_1 < 0.10$, $-0.10 < g_2 < 0.55$.

Все респонденты сначала выполняли классическую версию BFI, а затем BFI для измерения диспозициональной эффективности. Респонденты также выполняли ряд тестов, не входящих в предмет данной статьи.

Академическая успеваемость

Использовались два вида академической информации: успеваемость в университете и баллы ЕГЭ. Среди баллов ЕГЭ измерялись те, которые были получены по математике и русскому языку.

В качестве показателя успеваемости в университете использовалась средняя успеваемость. Она рассчитывалась как среднее от семестровых оценок по дисциплинам специальности факультета, на котором обучался данный студент. Студенты, имевшие на момент замера менее 10 семестровых оценок, были исключены из выборки. Таким образом, эта выборка включила 764 человека в возрасте от 17 до 38 лет ($M = 19.91$, $SD = 1.46$), включая 506 женщин.

Тридцать три студента (3.2% выборки) не имели баллов ЕГЭ, поскольку окончили школу до 2009 г. – момента, когда ЕГЭ стал обязательной процедурой в России. Данные других 12 студентов (1.12% выборки) были недоступны по неясным причинам. Оставшиеся 985 студентов (95.63% выборки), включая 669 женщин (67.9%), имели баллы ЕГЭ по русскому языку. Их возраст варьировался от 17 до 38 лет ($M = 19.57$, $SD = 1.61$). Показатель ЕГЭ по русскому языку был распределён нормально, $M = 73.01$, $SD = 11.40$, $g_1 = 0.13$, $g_2 = 0.00$.

773 студента (75.05% общей выборки), включая 488 женщин (63.1%), предоставили при поступлении данные ЕГЭ по математике. Их возраст варьировался от 17 до 34 лет ($M = 19.63$, $SD = 1.49$). Этот показатель был распределён нормально, $M = 60.63$, $SD = 13.71$, $g_1 = 0.24$, $g_2 = 0.59$.

Результаты

Черты и диспозициональная эффективность

Самоотчётные черты личности сильно коррелировали с соответствующей диспозициональной эффективностью, $r_s = .76, .72, .75, .73, .77$, для экстраверсии, доброжелательности, добросовестности, нейротизма и открытости опыту, соответственно.

Однако диспозициональная эффективность существенно отличалась от соответствующих самоотчётных черт (табл. 1). В частности, она была выше соответствующей черты – для экстраверсии, доброжелательности и добросовестности, но ниже – для нейротизма и открытости опыту.

Таблица 1.

Разница средних черт личности и соответствующих диспозиционных эффективностей (t-тест для зависимых выборок)

Черта личности	Средние (стандартные отклонения)		t	p
	Самоотчетная черта	Диспозициональная эффективность		
Экстраверсия	3.33 (0.71)	3.37 (0.58)	2.92	.004
Доброжелательность	3.48 (0.57)	3.57 (0.53)	6.99	< .001
Добросовестность	3.34 (0.66)	3.63 (0.63)	20.14	< .001
Нейротизм	3.04 (0.73)	2.79 (0.74)	15.41	< .001
Открытость опыту	3.75 (0.64)	3.71 (0.58)	3.05	.002

Таблица 2.

Корреляции характеристик личности с академической успеваемостью

Диспозициональная эффективность	Академическая успеваемость		
	ЕГЭ		Успеваемость в университете (n=764)
	Математика (n=773)	Русский язык (n=985)	
Экстраверсия	-.10** (+.01)	-.13*** (+.03)	-.06 (+.02)
Доброжелательность	-.09** (+.07)	.01 (.00)	.04 (.00)
Добросовестность	-.12** (+.04)	-.11*** (+.03)	.17*** (-.07)
Нейротизм	.06 (+.04)	.21*** (+.03)	.16*** (+.04)
Открытость опыту	-.05 (-.02)	.05 (.00)	.01 (-.01)

Примечание. В скобках рядом с коэффициентом корреляции приведена Δr – разница между корреляцией, полученной для данной диспозициональной эффективности, и корреляцией, полученной для соответствующей черты личности. Положительный знак указывает на то, что диспозициональная эффективность коррелирует сильнее, чем самоотчетная черта.

Диспозициональная эффективность: критериальная валидность

Для оценки не прямых эффектов предварительно оценивались попарные сопряженности личностных характеристик с академической успеваемостью. На данной выборке отдельные черты личности слабо, но значимо, коррелировали с показателями академической успеваемости. В частности, экстраверсия и добросовестность отрицательно коррелировали с ЕГЭ по математике и русскому языку, а нейротизм положительно – с ЕГЭ по русскому языку. Кроме того, успеваемость в университете положительно коррелировала с добросовестностью и нейротизмом. Диспозициональная эффективность воспроизвела все эти корреляции (табл. 2). В то же время, размеры полученных эффектов были несколько больше – за исключением связи добросовестности с успеваемостью в университете. Кроме того, отрицательная связь доброжелательности с ЕГЭ по математике была значимой в случае с диспозициональной эффективностью, и незначимой – в случае с традиционной чертой.

В соответствии с высказанными предположениями, в каждом случае, когда была зафиксирована значимая взаимосвязь личностной характеристики с показателем академической успеваемости, оценивался возможный не прямой эффект черты

на успеваемость, опосредованный диспозициональной эффективностью.

Для оценки не прямых эффектов использовался бутстраппинг на 5000 бутстрап-выборок. Применение бутстраппинга (в сравнении с другими тестами не прямых эффектов, например, тестом Собела) обусловлено его независимостью от допущений, связанных с распределением данных, выбросами и гетероскедастичностью (напр., [34]). Непрямой эффект считается существенным в том случае, если 95% доверительный интервал не прямых эффектов, полученных на бутстрап-выборках, не включает в себя ноль. Самоотчетная черта трактовалась как независимый предиктор, соответствующая диспозициональная эффективность – как медиатор, а показатель академической успеваемости – как зависимая переменная.

Из таблицы 3 следует, что в пяти случаях из семи диспозициональная эффективность опосредовала связь соответствующей черты с показателем академической успеваемости. Напротив, самоотчетная добросовестность была положительно связана с семестровой успеваемостью – независимо от диспозициональной эффективности. В то же время отрицательная связь экстраверсии с ЕГЭ по математике элиминировалась при взаимном контроле самоотчетной экстраверсии (путь b) и её диспозициональной эффективности (путь c').

Таблица 3.

Непрямые эффекты черт личности на академическую успешность, опосредованные диспозициональной эффективностью

Независимая переменная	Зависимая переменная	Прямые эффекты		Непрямые эффекты В (бут), SE, [95% CI]
		Путь	В, SE, p	
Экстраверсия	ЕГЭ математика			-1.25, .80, [-2.86; 0.32]
		a	.60, .02, .000	
		c	-1.67, .70, .018	
		b	-2.07, 1.31, .115	
Экстраверсия	ЕГЭ русский язык	c'	-.42, 1.06, .691	
				-1.49, 0.58, [-2.66; -0.36]*
		a	0.62, .02, .000	
		c	-1.64, .51, .001	
Добросовестность	ЕГЭ математика	b	-2.40, .96, .013	
		c'	-.15, .78, .851	
				-2.45, 0.94, [-4.27; -0.61]*
		a	.74, .02, .000	
Добросовестность	ЕГЭ русский язык	c	-1.71, .77, .026	
		b	-3.31, 1.21, .006	
		c'	.73, 1.18, .537	
				-1.49, .60, [-2.67; -0.35]*
Нейротизм	ЕГЭ русский язык	a	.71, .02, .000	
		c	-1.45, .56, .009	
		b	-2.09, .87, .016	
		c'	.04, .83, .966	
Добросовестность	GPA			2.05, .53, [1.02; 3.09]*
		a	0.74, .02, .000	
		c	2.82, .49, .000	
		b	2.75, .71, .000	
Нейротизм	GPA	c'	.77, .72, .283	
				-0.02, .03, [-0.08; 0.05]
		a	.74, .02, .000	
		c	.19, .03, .000	
Добросовестность	GPA	b	-.02, .04, .625	
		c'	.20, .04, .000	
				.08, .03 [0.03; .13]*
		a	.74, .03, .000	
Нейротизм	GPA	c	.09, .03, .000	
		b	.11, .04, .003	
		c'	.00, .04, .900	

Примечание. В – коэффициент эффекта, SE – стандартная ошибка, p – уровень значимости, В (бут) – средний коэффициент эффекта, полученный на 5000 бутстрап-выборок, [95% CI] – 95% доверительный интервал бутстрап-выборок; a – прямой эффект независимой переменной на медиатор; c – общий эффект независимой переменной на зависимую (корреляция Пирсона); b – прямой эффект медиатора на зависимую переменную при контроле независимой переменной; c' – прямой эффект независимой переменной на зависимую при контроле медиатора; * не прямой эффект статистически значимый.

Обсуждение

Диспозициональная эффективность может опосредовать связь черты личности с внешним критерием

Результаты исследования показывают, что диспозициональная эффективность, в сравнении с традиционно измеренной чертой, может быть теснее сопряжена с таким внешним критерием, как академическая успеваемость. Диспозициональная эффективность может также опосредовать связь традиционных черт личности с этим

внешним критерием. Иными словами, статистический контроль диспозициональной эффективности элиминировал связь черты с критерием, в то время как сама диспозициональная эффективность чаще всего продолжала коррелировать с критерием после контроля черты. Обратная картина наблюдалась лишь в одном случае – при изучении взаимосвязи добросовестности с успеваемостью в университете. Таким образом, обращение внимания респондента к фактору ситуации может несколько увеличить валидность конструкта черты личности как коррелята успеваемости.

Непрямые эффекты были недостаточно сильны для однозначного постулирования роли диспозициональной эффективности

В то же время, следует учитывать, что размеры непрямых эффектов были небольшими, а их значимость во многом была обусловлена внушительным размером выборки. Кроме того, в двух случаях непрямые эффекты вовсе были незначимыми статистически, а в одном из них можно предполагать, что уже черта обладала инкрементной валидностью – в сравнении с диспозициональной эффективностью. Таким образом, полученные результаты в целом лишь позволяют поставить вопрос о конструктивной валидности диспозициональной эффективности, но не дать однозначный утвердительный ответ на него.

В этой связи остается неясным, в каких именно ситуациях диспозициональная эффективность может быть инкрементно, в сравнении с традиционной самоотчетной чертой, связана с внешними критериями, а когда, напротив, черта будет иметь большее предсказательное значение, чем диспозициональная эффективность. Решению этой проблемы могут быть посвящены будущие исследования.

Диспозициональная эффективность – более изменчивый конструкт, предполагающий научение личностным схемам поведения и идентификацию с ними

В диспозициональной психологии черты личности в основном трактуются как малоизменчивый, биологически обусловленный, конструкт (напр., [30]). В этой связи явным достоинством диспозициональной эффективности является её способность примирить на теоретическом уровне постулат о неизменчивости черт с фактической их вариативностью, фиксируемой при тестировании. Гипотетически диспозициональная эффективность может быть более гибким, чем собственно черта личности, конструктом: изменение диспозициональной эффективности может наблюдаться под действием практических результатов индивида. Например, успех в ситуации, требующий добросовестности, в первую очередь может изменить

соответствующую диспозициональную эффективность. Аналогично, по мере успешного поведения, адекватного типичной диспозициональной ситуации (т.е. требующей добросовестности), у индивида может формироваться «диспозициональное мастерство» в данной черте личности. В дальнейшем же могут происходить коррекции в абстрактной автобиографической памяти, позволяющей индивиду считать себя «в целом добросовестным человеком», что отчасти может объяснять вариативность показателей черт личности – сохраняя допущение об их принципиальной, биологически определённой, неподатливости действию внешних факторов.

Диспозициональная эффективность, как и черта личности, психометрически является продуктом автобиографической памяти

Следует отметить, что использованный психометрический подход, безусловно, также предполагает изучение личности как абстрактного продукта долговременной памяти. Однако для респондентов при диагностике диспозициональной эффективности был создан дополнительный акцент, связанный с активацией воспоминаний о ситуациях соответствующего типа.

Расширение зоны поиска может находиться в плоскости внутренней дифференциации черты личности как единицы анализа

Современные исследования черт личности могут осуществляться не только в контексте определения числа и содержания релевантных факторов, не только с целью поиска сопряженностей черт личности с внешними критериями, но и в плане расширения понятия черты как таковой – как в теоретическом, так и в диагностическом ключе. В этом отношении представленное исследование не только предлагает ввести в контекст изучения личности понятие диспозициональной эффективности, но и приглашает коллег к более широкой дискуссии о содержании черты личности как структурной единицы, а также о возможности её дифференциального анализа.

Список литературы:

1. Гайдар М.И. Развитие личностной самоэффективности студентов-психологов на этапе вузовского обучения: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Курск, 2008.
2. Князев Г.Г., Митрофанова Л.Г., Бочаров В.А. Валидизация русскоязычной версии опросника Л. Голдберга «Маркеры факторов "Большой Пятерки"» // Психологический журнал. 2010. Т. 31. № 5. С. 100–110.
3. Мерлин В.С. Очерк теории темперамента. М., 1964. 118 с.

4. Первин Л., Джон О. Психология личности: Теория и исследования. М.: Аспект Пресс, 2001. 607 с.
5. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. Основные положения, исследования и применение. СПб.: Питер, 1997. 608 с.
6. Шварцер Р., Ерусалем М., Ромек В. Русская версия Шкала общей самоофективности Р. Шварцера и М. Ерусалема // Иностранная психология. 1996. № 7. С. 71–76.
7. Шепелева Е.А. Особенности учебной и социальной самоофективности школьников: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2008.
8. Allport G.W., Odbert H.S. Trait-names: A psycho-lexical study // Psychological Monographs. 1936. Vol. 47. № 1. P. i–171.
9. Anderson S.L., Betz N.E. Sources of social self-efficacy expectations: Their measurement and relation to career development // Journal of Vocational Behavior. 2001. Vol. 58. № 1. P. 98–117.
10. Bandura A. Self-efficacy: Toward a unifying theory of behavioral change // Psychological Review. 1977. Vol. 84. № 2. P. 191–215.
11. Bandura A., Reese L., Adams N.E. Microanalysis of action and fear arousal as a function of differential levels of perceived self-efficacy // Journal of Personality and Social Psychology. 1982. Vol. 43. № 1. P. 5–21.
12. Brezina T., Topalli V. Criminal self-efficacy exploring the correlates and consequences of a “successful criminal” identity // Criminal Justice and Behavior. 2012. Vol. 39. № 8. P. 1042–1062.
13. Caprara G.V. Personality psychology: Filling the gap between basic processes and molar functioning // Backman L. & Hofsten C. von (Eds.). Psychology at the turn of the millennium. Vol. 2: Social, developmental and clinical perspectives. Psychology Press, 2002.
14. Caprara G.V., Caprara M., Steca P. Personality’s correlates of adult development and aging // European Psychologist. 2003. Vol. 8. № 3. P. 131–147.
15. Caprara G.V., Delle Fratte A., Steca P. Determinanti personali del benessere nell’adolescenza: indicazioni e predittori // Psicologia Clinica Dello Sviluppo. 2002. № 2.
16. Cattell R.B. The description of personality: basic traits resolved into clusters // The Journal of Abnormal and Social Psychology. 1943. Vol. 38. № 4. P. 476–506.
17. Delahaij R., van Dam K., K, W., Soeters J. Predicting performance under acute stress: The role of individual characteristics // International Journal of Stress Management. 2011. Vol. 18. № 1. P. 49–66.
18. DeYoung C.G., Hirsh J.B., Shane M.S., Papademetris X., Rajeevan N., Gray J.R. Testing predictions from personality neuroscience: Brain structure and the Big Five // Psychological Science. 2010. Vol. 21. № 6. P. 820–828.
19. DeYoung C.G., Peterson J.B., Higgins D.M. Higher-order factors of the Big Five predict conformity: Are there neuroses of health? // Personality and Individual Differences. 2002. Vol. 33. № 4. P. 533–552.
20. Digman J.M. Higher-order factors of the Big Five // Journal of Personality and Social Psychology. 1997. Vol. 73. № 6. P. 1246–1256.
21. Eysenck H.J. Dimensions of personality. New Brunswick, NJ: Transaction Publishers, 1950/1998.
22. Goldberg L.R. An alternative “description of personality”: The Big-Five factor structure // Journal of Personality and Social Psychology. 1990. Vol. 59. № 6. P. 1216–1229.
23. Goldberg L.R. The structure of phenotypic personality traits // American Psychologist. 1993. Vol. 48. № 1. P. 26–34.
24. Goldberg L.R. A broad-bandwidth, public domain, personality inventory measuring the lower-level facets of several five-factor models // Mervielde I., Deary I., Fruyt F. De & Ostendorf F. (Eds.). Personality psychology in Europe (Vol. 7, pp. 7–28). Tilburg, The Netherlands: Tilburg University Press, 1999.
25. Hanin Y., Eysenck S.B.G., Eysenck H.J., Barrett P. A cross-cultural study of personality: Russia and England // Personality and Individual Differences. 1991. Vol. 12. № 3. P. 265–271.
26. John O.P., Donahue E.M., Kentle R.L. The Big Five Inventory: Versions 4a and 5. Berkeley, CA: University of California, Berkeley, Institute of Personality and Social Research, 1991.
27. John O.P., Naumann L.P., Soto C.J. Paradigm shift to the integrative Big Five trait taxonomy: History, measurement, and conceptual issues // John O.P., Robins R.W. & Pervin L.A. (Eds.). Handbook of personality: Theory and research (pp. 114–158). New York, NY: Guilford Press, 2008.
28. Kelly G.A. The psychology of personal constructs. New York: Norton, 1955.
29. Löckenhoff C.E., Duberstein P.R., Friedman B., Costa Jr.P.T. Five-factor personality traits and subjective health among caregivers: The role of caregiver strain and self-efficacy // Psychology and Aging. 2011. Vol. 26. № 3. P. 592–604.
30. McCrae R.R., Costa Jr.P.T. Personality in adulthood: A five-factor theory perspective (2nd ed.). New York, NY: Guilford Press, 2003.
31. Mischel W. Continuity and change in personality. // American Psychologist. 1969. Vol. 24. № 11. P. 1012–1018.
32. Muek J. A general factor of personality: Evidence for the Big One in the five-factor model // Journal of Research in Personality. 2007. Vol. 41. № 6. P. 1213–1233.
33. Ng K.-Y., Ang S., Chan K.-Y. Personality and leader effectiveness: A moderated mediation model of leadership self-efficacy, job demands, and job autonomy // Journal of Applied Psychology. 2008. Vol. 93. № 4. P. 733–743.
34. Preacher K.J., Hayes A.F. Asymptotic and resampling strategies for assessing and comparing indirect effects in multiple mediator models // Behavior Research Methods. 2008. Vol. 40. № 3. P. 879–891.
35. Saucier G., Goldberg L.R. The language of personality: Lexical perspectives on the five-factor model // The five-factor model of personality: Theoretical perspectives (pp. 21–50). New York, NY, US: Guilford Press, 1996.

36. Shchebetenko S. "The best man in the world": Attitudes toward personality traits // Psychology. Journal of the Higher School of Economics. 2014. Vol. 11. № 3. P. 129–148.
37. Verhage M.L., Oosterman M., Schuengel C. Parenting self-efficacy predicts perceptions of infant negative temperament characteristics, not vice versa // Journal of Family Psychology. 2013. Vol. 27. № 5. P. 844–849.
38. Zuckerman M. Personality science: Three approaches and their applications to the causes and treatment of depression. Washington, DC, US: American Psychological Association, 2011.

References (transliteration):

1. Gaidar M.I. Razvitiye lichnostnoi samoeffektivnosti studentov-psikhologov na etape vuzovskogo obucheniya: Avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk. Kursk, 2008.
2. Knyazev G.G., Mitrofanova L.G., Bocharov V.A. Validizatsiya russkoyazychnoi versii oprosnika L. Goldberga «Markery faktorov "Bol'shoi Pyaterki"» // Psikhologicheskii zhurnal. 2010. T. 31. № 5. S. 100–110.
3. Merlin V.S. Ocherk teorii temperamenta. M., 1964. 118 s.
4. Pervin L., Dzhon O. Psikhologiya lichnosti: Teoriya i issledovaniya. M.: Aspekt Press, 2001. 607 s.
5. Kh'ell L., Zigler D. Teorii lichnosti. Osnovnye polozheniya, issledovaniya i primeneniye SPb.: Piter, 1997. 608 s.
6. Shvartser R., Erusalem M., Romek V. Russkaya versiya Shkala obshchei samoeffektivnosti R. Shvartsera i M. Erusalema // Inostrannaya psikhologiya, 1996. № 7. S. 71–76.
7. Shepeleva E.A. Osobennosti uchebnoi i sotsial'noi samoeffektivnosti shkol'nikov: Avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk. M., 2008.
8. Allport G.W., Odbert H.S. Trait-names: A psycho-lexical study // Psychological Monographs. 1936. Vol. 47. № 1. P. i–171.
9. Anderson S.L., Betz N.E. Sources of social self-efficacy expectations: Their measurement and relation to career development // Journal of Vocational Behavior. 2001. Vol. 58. № 1. P. 98–117.
10. Bandura A. Self-efficacy: Toward a unifying theory of behavioral change // Psychological Review. 1977. Vol. 84. № 2. P. 191–215.
11. Bandura A., Reese L., Adams N.E. Microanalysis of action and fear arousal as a function of differential levels of perceived self-efficacy // Journal of Personality and Social Psychology. 1982. Vol. 43. № 1. P. 5–21.
12. Brezina T., Topalli V. Criminal self-efficacy exploring the correlates and consequences of a "successful criminal" identity // Criminal Justice and Behavior. 2012. Vol. 39. № 8. P. 1042–1062.
13. Caprara G.V. Personality psychology: Filling the gap between basic processes and molar functioning // Backman L. & Hofsten C. von (Eds.). Psychology at the turn of the millennium. Vol. 2: Social, developmental and clinical perspectives. Psychology Press, 2002.
14. Caprara G.V., Caprara M., Steca P. Personality's correlates of adult development and aging // European Psychologist. 2003. Vol. 8. № 3. P. 131–147.
15. Caprara G.V., Delle Fratte A., Steca P. Determinanti personali del benessere nell'adolescenza: indicazioni e predittori // Psicologia Clinica Dello Sviluppo. 2002. № 2.
16. Cattell R.B. The description of personality: basic traits resolved into clusters // The Journal of Abnormal and Social Psychology. 1943. Vol. 38. № 4. P. 476–506.
17. Delahaj R., van Dam K., K, W., Soeters J. Predicting performance under acute stress: The role of individual characteristics // International Journal of Stress Management. 2011. Vol. 18. № 1. P. 49–66.
18. DeYoung C.G., Hirsh J.B., Shane M.S., Papademetris X., Rajeevan N., Gray J.R. Testing predictions from personality neuroscience: Brain structure and the Big Five // Psychological Science. 2010. Vol. 21. № 6. P. 820–828.
19. DeYoung C.G., Peterson J.B., Higgins D.M. Higher-order factors of the Big Five predict conformity: Are there neuroses of health? // Personality and Individual Differences. 2002. Vol. 33. № 4. P. 533–552.
20. Digman J.M. Higher-order factors of the Big Five // Journal of Personality and Social Psychology. 1997. Vol. 73. № 6. P. 1246–1256.
21. Eysenck H.J. Dimensions of personality. New Brunswick, NJ: Transaction Publishers, 1950/1998.
22. Goldberg L.R. An alternative "description of personality": The Big-Five factor structure // Journal of Personality and Social Psychology. 1990. Vol. 59. № 6. P. 1216–1229.
23. Goldberg L.R. The structure of phenotypic personality traits // American Psychologist. 1993. Vol. 48. № 1. P. 26–34.
24. Goldberg L.R. A broad-bandwidth, public domain, personality inventory measuring the lower-level facets of several five-factor models // Mervielde I., Deary I., Fruyt F. De & Ostendorf F. (Eds.). Personality psychology in Europe (Vol. 7, pp. 7–28). Tilburg, The Netherlands: Tilburg University Press, 1999.
25. Hanin Y., Eysenck S.B.G., Eysenck H.J., Barrett P. A cross-cultural study of personality: Russia and England // Personality and Individual Differences. 1991. Vol. 12. № 3. P. 265–271.
26. John O.P., Donahue E.M., Kentle R.L. The Big Five Inventory: Versions 4a and 5. Berkeley, CA: University of California, Berkeley, Institute of Personality and Social Research, 1991.
27. John O.P., Naumann L.P., Soto C.J. Paradigm shift to the integrative Big Five trait taxonomy: History, measurement, and conceptual issues // John O.P., Robins R.W. & Pervin L.A. (Eds.). Handbook of personality: Theory and research (pp. 114–158). New York, NY: Guilford Press, 2008.
28. Kelly G.A. The psychology of personal constructs. New York: Norton, 1955.

29. Löckenhoff C.E., Duberstein P.R., Friedman B., Costa Jr.P.T. Five-factor personality traits and subjective health among caregivers: The role of caregiver strain and self-efficacy // *Psychology and Aging*. 2011. Vol. 26. № 3. P. 592–604.
30. McCrae R.R., Costa Jr.P.T. *Personality in adulthood: A five-factor theory perspective* (2nd ed.). New York, NY: Guilford Press, 2003.
31. Mischel W. Continuity and change in personality. // *American Psychologist*. 1969. Vol. 24. № 11. P. 1012–1018.
32. Musek J. A general factor of personality: Evidence for the Big One in the five-factor model // *Journal of Research in Personality*. 2007. Vol. 41. № 6. P. 1213–1233.
33. Ng K.-Y., Ang S., Chan K.-Y. Personality and leader effectiveness: A moderated mediation model of leadership self-efficacy, job demands, and job autonomy // *Journal of Applied Psychology*. 2008. Vol. 93. № 4. P. 733–743.
34. Preacher K.J., Hayes A.F. Asymptotic and resampling strategies for assessing and comparing indirect effects in multiple mediator models // *Behavior Research Methods*. 2008. Vol. 40. № 3. P. 879–891.
35. Saucier G., Goldberg L.R. *The language of personality: Lexical perspectives on the five-factor model* // *The five-factor model of personality: Theoretical perspectives* (pp. 21–50). New York, NY, US: Guilford Press, 1996.
36. Shchebetenko S. “The best man in the world”: Attitudes toward personality traits // *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*. 2014. Vol. 11. № 3. P. 129–148.
37. Verhage M.L., Oosterman M., Schuengel C. Parenting self-efficacy predicts perceptions of infant negative temperament characteristics, not vice versa // *Journal of Family Psychology*. 2013. Vol. 27. № 5. P. 844–849.
38. Zuckerman M. *Personality science: Three approaches and their applications to the causes and treatment of depression*. Washington, DC, US: American Psychological Association, 2011.